

нулся Шурик. — Лично у меня внутри образовался вакуум. Давно пора что-нибудь туда запихнуть, желательное большое и жирное.

— А ты и внешне не изменился, посмотри на себя, типичный хищник, — парировал я. — Ну ладно, поехали обедать.

Теперь мы ездим рыбачить на океан. Время от времени удается поймать лосося. Там, на просторе, в брызгах соленой

воды, чувствуешь себя свободнее. Да и люди вокруг сплошь колоритные, морские волки, будто сошедшие со страниц старой американской классики. Мне они нравятся, на рыболовецких катерах мы не встретили еще ни одной сволочи.

Уфук от рыболовной компании откололся. Вскоре после суда он съездил на родину и привез в Калифорнию молодую жену-турчанку необыкновенной красоты, с огромными черными глазами и длинными ресницами.

Павел НИКИТКИН

выпускник БГПИ 1980 года,

член Союза российских писателей и Союза художников России

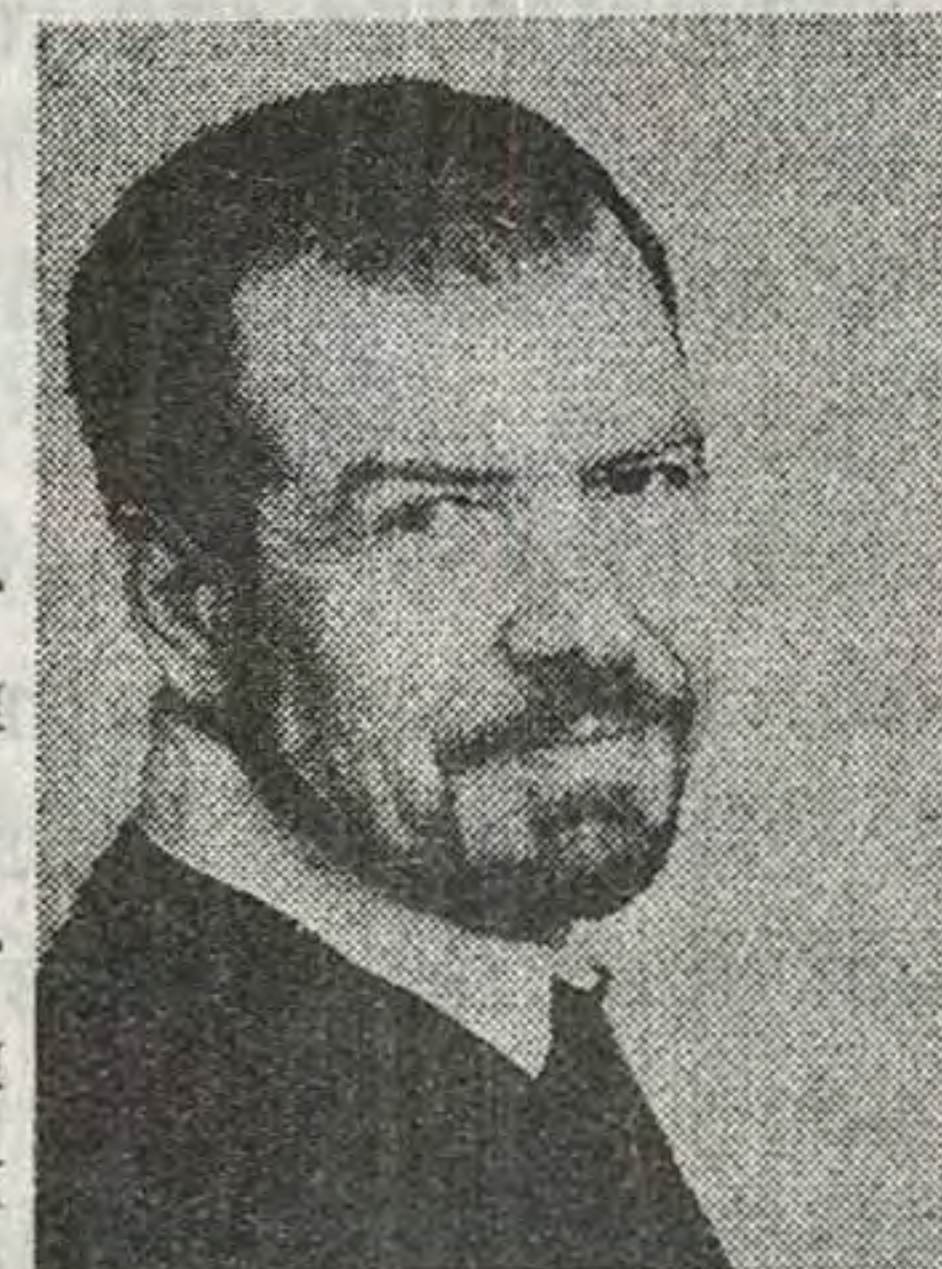
Родился я в Калужской области. Там учился в школе, воспитывался в детском доме. Потом в Подмоскowie окончил Абрамцевское художественно-промышленное училище, отслужил в армии, работал на Мытищинском машиностроительном заводе.

В 1974 г. переехал на Дальний Восток. Работал сменным мастером на мебельном комбинате, художником в Амурских художественных мастерских. В 1980-м заочно окончил отделение русского языка и литературы Благовещенского пединститута. Живу в Благовещенске, работаю в Амурской организации Союза художников.

В печати вышло четыре сборника моих стихов: «Охотничьей тропой» (1997), «Просёлки» (1998), «Осенние зори» (2000) и «Корни» (2003). Изобразительное искусство или литература? Этот вопрос стоит постоянно. Но категоричность «или» пропадает, когда в душе созрели строки стихотворения, взволновал сюжет рассказа. Руки сами тянутся к резцу или пластилину, когда перед глазами стоит композиция медали или плакетки.

Мои рассказы печатались в газетах «Русский берег» и «Амурская правда», звучали по радио. Уже три года, к сожалению, лежит отредактированная книга «Алёшкина охота», но из-за отсутствия средств не может выйти в свет. Предлагаемый рассказ «Кнут» — из второй книги, которая, в основном, завершена.

Рассказ

КНУТ

Солнце еще не вставало, когда Кнут на легкой бричке ехал по холмам, осматривая посевы.

От росистой травы ноги белого в яблоках жеребца Атамана стали темными. Конь все время клонил красивую голову на сторону и косил черным глазом на седока, словно стараясь уловить момент, когда можно выкинуть какой-нибудь финт, чтобы избавиться от него, а вместе с ним и от брички. Это был сильный, красивый и своенравный жеребец хороших кровей. Три года назад молодого жеребца привезли с конезавода для улучшения породы местных лошадей. Колхоз, хотя и не был особо богат, отдал за него кругленькую сумму. Надеть на Атамана узду, а тем более запрячь, мог только один человек — колхозный конюх Тимофеич, много лет отдавший лошадям и конюшне. На первых порах к жеребцу и подойти-то все боялись, а не то чтобы оседлать. Но Тимофеич жеребца укротил — запряг в тяжелую фуру и направил в свежую пахоту. Много зрителей собралось посмотреть на поединок человека с животным. Долго упрямылся конь, долго не хотел покориться, показывая свою силу и характер: вставал на дыбы, бил задом, старался выскочить из оглобелей, но, в конце концов, обесиленный, подчинился воле Тимофеича. Назад, к конюшне, он возвращался с кровавой пеной на губах, мокрыми боками, усмиранным. Но все равно, запрячь его мог только один человек, а ездить — только двое: Тимофеич

и председатель колхоза Николай Ильич, или, как его называли в народе, Кнут. Многие пытались прокатиться на Атамане: и зоотехник, и ветеринар, и даже молодой агроном. Но только проводит их от конного двора Тимофеич, только вернется в свою кладовку, а с улицы уже слышно, как, храпя и стуча оторванными от передка оглоблями, без седока и брички возвращается Атаман. И все эти любители потеряли охоту прокатиться на Атамане. Все, кроме ветеринара. Только тот не сдавался.

— Все равно он мне подчинится! Дармоед! На других лошадях лес таскают, пашут, навоз вывозят на поля, а этот — жрет лучше всех да кобылиц довольствует.

— Ну, довольствуй тогда ты, а Атамана мы в плуг поставим, — заступался за коня Тимофеич. — «Кобылиц довольствует» — это его работа, для этого его и покупали.

— Все равно он будет ходить под моей рукой! Тоже мне граф Потемкин.

Кто такой граф Потемкин, Тимофеич не знал и дальше спорить не стал. Ветеринар — мужчина уже в годах, повидавший на своем веку и войну, и тюрьму, — никак не мог смириться с тем, что какая-то животина его не слушается. Это его-то, кто в одиночку, без помощи со стороны, кастрировал молодых жеребчиков. Его могучих рук, украшенных наколками и рыжими волосами, побаивались многие мужики, а тут... Нет, не мог он этого перетерпеть.

Был для председателя еще один конь – жеребец по кличке Король. Не такой горячий, уже постаревший, с более спокойным и покладистым характером. Тот мог без привязи часами стоять у правления, на полевом стане или на току, подремывая, ожидая своего седока. На нем Кнут ездил каждодневно. А сегодня день особенный, почти праздничный...

Кнутом председателя называли за его резкий и жесткий характер и за то, что с этим ямщицким предметом он почти не расставался. К тому же была у председателя привычка – стегать кнутом. Подойдет в лугах к скирдующим сено – обязательно хлестнет по зароду, придет на строящуюся ферму – прочность кирпичной кладки проверит ударом кнута. Казалось бы, что можно почувствовать через ременную плетть да деревянное кнутовище? Ан, нет... Такая уж привычка. Роду председатель не казачьего, специальность – механизатор. И откуда она взялась – непонятно.

Сегодня председатель был в приподнятом настроении. Наконец-то удалось рассечь ударом кнута дерматин на стоявшем в правлении диване. Сколько раз он пытался это сделать раньше – не получалось, а сегодня сдалась клеенка, лопнула! Вот поэтому и приказал он Тимофеичу заложить Атамана.

Утро обещало хороший солнечный день. На золотом, плавно переходящем в голубизну небе, где вот-вот должно показаться солнышко, не было ни одной крапины облаков. Встречный ветер приятно охлаждал лицо. Впереди светло-зелеными волнами колыхалось поле поспевающего овса. «Надо сказать конюху, чтобы накопил Атаману этого лакомства, – подумал председатель. – Хотя, зачем ему говорить, он и сам лучше меня знает, как ухаживать за конем. Вон какой красавец: всегда сыт, здоров, ухожен – каждая мышца играет, переливается... Но что там такое? – на краю поля Кнут заметил черную точку и прямо по посевам направил к ней коня. – Скотина или человек?»

В последнее время он обратил внимание на то, что поля, примыкающие к деревням, по краям истоптаны и потравлены бесконтрольно гуляющими стадами гусей, овец и прочей домашней живности. Назначили на правлении объездчиков полей, дали каждому из них коня под седлом, обязали следить за порядком, наделили правом предупреждать население, что за потраву колхозных полей хозяева скота будут отвечать. Каких только мер не принимали: и предупреждали, и штрафовали, и в колхозные сараи скот частных загоняли, но толку – нуль. Как гуляли вольные телята с поросятами, так и продолжают гулять, не соблюдая границ. Вытаптывают, портят посевы, съедают урожай на корню. Нет, надо с этим кончать! Пора навести порядок!

Подъехав ближе, он увидел девушку, собиравшую в холщовую сумку стручки гороха. Горох почему-то всегда растет вместе с овсом, хотя вместе их никогда не сеют. Ни во ржи, ни в пшенице горох не встретишь, а только в овсах.

«Как? Почему? Кто позволил?!» – эти мысли прошили мозг председателя. Подъехав к девушке, он привстал и прямо с брички наотмашь стегнул ее кнутом.

От страшного удара ее передернуло, она присела, и по бледному лицу из расширившихся от страха и боли голубых глаз покатались слезы.

Но не на глаза, не на лицо смотрел председатель. Он увидел, как после его удара от резкого движения из-под распахнувшейся телогрейки девушки на мгновение мелькнула молодая, белая, в мраморных прожилках, с розовым соском грудь. Все! Больше Кнут ничего не видел. Он грубо крикнул коню «Стоять!», а сам повалил девушку на землю и тут же ею овладел...

И только потом, стоя на коленях над лежащей девушкой, он встретил взгляд ее наполненных слезами голубых глаз. Но они смотрели не на него, они смотрели внутрь его...

Кнут не поехал к дояркам на утреннюю дойку, как собирался, а вернулся на конный двор к Тимофеичу. Попросил, чтобы тот принес в кладовку ведро воды и запер его снаружи. И чтоб до вечера не открывал и никому о нем не говорил ни слова.

– Что-то на тебе лица нет. Не случилось ли чего? Может, к Матрене сходить? У нее бывает своя, не из кооперации.

– Чего – своя? – не понял Кнут. А когда «дошло», отрезал. – Не надо мне ничего.

Весь день он провалялся в кладовке на сенном матраце среди дуг, седел, колес, ведер с дегтем и сыромятными ремнями. Весь день он смотрел на стену, где висели хомуты да сбруя, а видел только голубые глаза, полные страха, укора и отчаяния. Как наваждение они стояли перед ним. Под их взглядом он пытался осознать, что же толкнуло его на этот поступок. Нет, не поступок, преступление. Почему вдруг отказали «тормоза»? Почему не смог устоять при виде молодого тела? Почему животная похоть взяла верх над разумом? Где была в это время его совесть?

Уткнувшись лицом в матрац, он бил кулаком его сенное нутро, переворачиваясь навзничь, доставал папиросы и курил до горечи во рту, а мозг лихорадочно работал, подсовывая все новые и новые оправдательные объяснения. Но ни одно из них не удовлетворяло Кнута.

Ведь он женат, у него семья: жена и четырехлетняя дочь. Правда, «женат» можно сказать с большой натяжкой – живет-то он один. Жена с дочкой приезжают к нему в гости. «В гости» – и звучит как-то смешно. Но так оно и есть. Это случается один-два раза в месяц, а иногда и реже. Раньше их приезд был для него праздником, а потом он привык – и к праздникам, и к одиночеству. Теперь и не ждет их приезда и даже, если быть совсем откровенным, где-то глубоко в душе надеется, что в этот выходной они не приедут.

А как хорошо все начиналось...

Это было ровно пять лет назад. Он, молодой боевой танкист – грудь в медалях «За отвагу», «За освобождение...», при ордене Красной Звезды, гвардии старший сержант, начищенный и наглаженный, – со своим фронтовым другом Иваном теплым летним вечером пришел в городской парк на танцплощадку. Над парком, цепляясь за кроны деревьев, плыла музыка духового оркест-

ра. По аллеям гуляли горожане. В основном это была молодежь, точнее – девушки от шестнадцати... Группами и парами, в светлых платьях и белых носочках, с улыбками и букетиками цветов, они проходили мимо бравых молодых людей, бросая лукавые взгляды. Сколько молодости, красоты и здоровья, сколько тайны и тепла было в этом вечере.

Каждая встречная девушка, казалось, добавляла температуру телу Николая.

– Ваня, рулим на набережную, на ветерок – мотор перегревается.

Натанцевавшись до головокружения, до горения подошв, они поспешили на речной ветерок. Это был их вечер. На танцплощадке они шли нарасхват. Николай, выросший в деревне, был немного смущен вниманием к нему представительниц прекрасной половины человечества. Сначала он стеснялся, что не совсем хорошо танцует вальс, что иногда своими хромовыми сапогами наступал на босоножки девушек, что не может так веселить партнерш, как это делает его друг и бывший взводный Иван. Но потом и он вошел в раж. Музыка сама вела его по деревянному настилу, нет, не вела, а несла над танцплощадкой.

На набережной во время очередного передыха они и познакомились с двумя девушками. Инициативу проявил Иван – на правах старшего и к тому же местного старожилы.

Это по его приглашению Николай оказался в этом городе после демобилизации. Это он в беседах-мечтах о «гражданке» уговорил Николая не возвращаться в деревню, из которой потом никогда не выбраться. Он рассказывал о таких вещах, про которые Николай и не слышал: о театре оперы, музеях, о работе на крупном машиностроительном заводе, о своем сталелитейном цехе.

Да, Иван... Где-то он сейчас водит степные корабли? Поднимает целину Оренбуржья. И Николая приглашал, но... Как жизнь распорядилась их судьбами!

Никогда не думали фронтовые друзья, что недолго придется быть вместе, что покинут они и этот город, и завод. Что коренной горожанин Иван с молодой женой в числе первых поедут с комсомольскими отрядами в далекие края. Что и Николаю суждено вернуться в деревню к святому труду хлебороба. Да...

Так вот, познакомились они тогда с хорошенькими девушками. Иван сразу положил глаз на светленькую Надежду. Николаю пришлось развлекать темненькую Тамару. А вообще-то, как потом призналась Тамара, девушки первыми заметили этих двух кавалеров и решили во что бы то ни стало с ними познакомиться. Кто кого выбрал?

Уже на октябрьские праздники сыграли свадьбу Надежды и Ивана. Она была небогатой, но веселой. Из дома Ивана гости расходились поздно вечером. Николай провожал Тамару. Шли по освещенной набережной, украшенной флагами и транспарантами. С темного неба падали снежинки, но, долетев до земли, тут же таяли, создавая сырость.

Дошли до городского парка.

– А ты помнишь, – сказала Тамара, – как было жарко, когда мы здесь познакомились?

– Помню.

– Давай постоим здесь. Первый снег... Красиво... Стояли долго. Молчали. Николай закурил.

– А ты, Коля, брось курить.

Николай бросил папиросу в реку.

– Нет, совсем. – Тамара всем телом прижалась к Николаю. – Это, наверное, придется сделать... – Потом добавила: – Нам тоже пора подумать о свадьбе.

–???

– Я уже не одна... Нас уже трое: ты, я и он.

– Кто он? – не понял Николай.

– Он – кто во мне.

Николай сразу даже не сообразил, что к чему. Он немного опешил и не мог ничего сказать. Долгое молчание обидело Тамару. Она отстранилась от Николая, отвернулась и сказала в ночь:

– Нет, на свадьбе никто не настаивает, и если ты этого не хочешь – не надо. И вообще, ты свободный человек... И можешь найти другую... помоложе. Зачем тебе жена, которая на два года старше...

Она заплакала. Только тогда понял Николай, о чем идет речь. Он хотел ее обнять, но Тамара вырвалась и стала уходить. Он пошел следом. «Какие два года? При чем здесь два года? Что за чушь?» – он опять хотел взять ее под руку.

– Подожди... постой... Тамара, не плачь.

– Не надо... Вон сколько молодых девушек вокруг – выбирай, не зевай... Мне уже скоро двадцать пять... Чего ждать? А ребеночка я все равно рожу... Даже без тебя...

Николай мог вытерпеть все, кроме женских слез. Он много их повидал. Видел частые слезы своей матери, растившей их, четверых детей, без отца. Видел слезы жен, провожавших мужей на войну. Видел слезы целых семей, получивших похоронку. Он понимал те тяжелые слезы. Но почему плачет Тамара? Ведь он ничего ей не сказал, ничем не обидел... Ведь он тоже рад, что у нее, у них, будет ребенок...

Долго пришлось ее уговаривать, ласкать и клясться в любви. Потом они сидели на скамейке парка. И когда Тамара почти успокоилась, когда между ними опять вроде бы установились теплые отношения, она сказала:

– Проводи меня домой... Я познакомлю тебя с родителями. Хотя нет, не сегодня. Сегодня, после свадьбы Нади и Ивана, будет нехорошо... Они не поймут... Их к этому надо подготовить... Конечно, если ты согласен на мне жениться. А если нет... Тебя никто не неволит... С малышом я не пропаду... Вон сколько матерей-одиночек... И ничего, не пропадают... – опять слезы, опять уговоры, опять обещания... и решимость сегодня же пойти к ее родителям и объявить о свадьбе-женитьбе. – Нет, не сегодня... потом... через неделю... я сначала поговорю с мамой, а она – с папой. Потом... потом я тебе скажу, и ты придешь.

Но прошла неделя, вторая, месяц, а Тамара ничего не говорила. Такую неопределенность Николай терпеть не мог. И тогда он решил сам форсировать события. В один из вечеров, провожая Тамару домой, он сказал:

– Похоже, твои родители меня видеть не желают?

– Нет, нет... Что ты, Коля... Понимаешь, просто я не могу так сразу им все объяснить. Я жду подходящий момент... Подожди еще немного.

– Я-то подожду. Но только скоро они и без объяснений поймут твоё положение.

Дня через два-три Тамара сказала, что папа и мама ждут их вечером. Но Николаю надо идти непременно в военной форме и обязательно при всех наградах – это желание самой Тамары.

Пошли.

Пришли к большому трехэтажному дому с полуколоннами на фасаде. В фойе перед лестницей за столом сидел пожилой мужчина с большими седыми усами. Встал и в полупоклоне сказал:

– Добрый вечер, Тамара Егоровна. – И в сторону Николая: – Добрый вечер.

«Как швейцар в ресторане, только раздеться не предлагает», – подумал Николай.

По лестнице, застеленной красной ковровой дорожкой, поднялись на второй этаж. Тамара надавила на кнопку звонка у обитой кожей двери. Маленькая, сухонькая пожилая женщина открыла и тут же куда-то исчезла. Николай даже поздороваться с ней не успел.

– Раздевайся и проходи в залу, – сказала Тамара.

– А где здесь зала? – Николай видел только коридор да тяжелые шторы слева и справа.

Он помог Тамаре снять шубу, снял шинель и сапоги и в шерстяных носках пошел вслед за подругой.

Первое, что он увидел, войдя в «залу», – портрет четырех вождей пролетариата, написанный маслом, в массивной золоченой раме, висевший на стене прямо против входа. Ниже портрета стояло пианино под белым чехлом. Посреди комнаты – круглый стол, покрытый немецкой скатертью (такие он видел у солдат, возвращавшихся из Германии). Вокруг стола расставлены были «венские» стулья. Потолок высокий. Стен почти не видно из-за тяжелых портьер, спускающихся от потолка до самого пола. На полу огромный ковер. Между окон стояли тумбочка с большой вазой, этажерка с рядами книг в одинаковых переплетах, тумбочка с телефонным аппаратом. Вдоль глухой стены – без окон и штор – стеклянный шкаф с горками посуды. «Зала» освещалась огромной люстрой с множеством хрустальных висюлек.

«Как в музее», – подумал Николай.

– Прходи, садись, чего стоишь? – шепотом сказала Тамара и кивнула на стул. Сама же исчезла за портьерой.

Николай сел и продолжил разглядывать обстановку. Ждать пришлось долго, потом сбоку послышалось предупреждающее покашливание Тамары, и в «залу» вплыла крупная молодая женщина с двумя подбородками. У нее было холеное лицо с сильно подкрашенными бровями и губами. На голове копна красиво уложенных волос. «И как она спит? Ведь ломает такую красоту. Столько трудов». На ней был китайский халат, расписанный большими цветами и райскими птицами. Из-под него выглядывала белая кофта с кружевным воротничком.

– Познакомься. Это моя мама.

– Зоя Сергеевна, – назвалась та и подала пухленькую руку.

– Николай, – он протянул свою, смутившись за собственный серенький вид.

– Ну что ж, давайте посидим, поговорим, пока не пришел Егор Кузьмич, папа Томочки. Она рассказывала вам о нем?

– Нет, не рассказывала...

– Ну, ничего, вот придет – и вы его увидите. Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Так в народе говорят? А вы пока расскажите о себе: где родились, где работали, где работаете. И вообще...

Николай начал рассказывать, но по виду Зои Сергеевны понял, что она о нем все знает, а его повествование нужно только для заполнения ожидания. Он рассказал о себе почти все. Зоя Сергеевна сидела, положив руки на стол, и играла пальцами, украшенными перстнями и маникюром. Она изредка переглядывалась с Тамарой, переводила взгляд то на входную дверь, то на рассказчика, кивала головой и при этом говорила «да-да», делая вид, что внимлет рассказу. Но когда Николай сказал, что работает на машиностроительном заводе, она ожилилась.

– О, так вы работаете у Егора Кузьмича? Он ведь директор этого завода... А вы не знали?

– Нет, – ответил Николай и посмотрел на Тамару. Та покраснела, будто ей было стыдно, что ее отец работает директором завода.

– А вы знаете, я ведь тоже работала, – продолжила разговор Зоя Сергеевна. – Провизором в аптеке. Но врачи запретили по состоянию моего здоровья. И вот я вынуждена оставить любимую работу, и теперь приходится заниматься домашним хозяйством. А оно не малое, одних комнат – шесть, да обстановка. Все надо вымыть, вычистить, протереть. Весь день на ногах, весь день в хлопотах. А у меня, знаете, за что ни возьмись – все болит, и здоровья почти не осталось. Вот живем с Егором Кузьмичом только для дочери, только для нашей Томочки, – и она, как бы обиженно, поджала крашенные губки.

«Да, – подумал Николай, – с такими руками да при таком маникюре только полы и мыть, только стиркой и заниматься. Да и облик у тебя не очень-то больной персоны».

В это время из-за портьеры высунулась голова той женщины, которая открывала им дверь:

– Сам приехал!

В прихожей раздался мелодичный звонок, потом послышался бас, приглушенный тканью штор.

Зоя Сергеевна встала и уплыла по коридору. Тамара вскинула взгляд на Николая:

– Это папа...

Из того, с каким трепетом это было сказано, Николай понял, какую роль играет папа в семье.

Долго сидели с Тамарой в тишине, ожидая и волнуясь. Надо бы взбодрить, поддержать Тамару, но Николай не находил слов. Он перебрал уже тысячу вариантов, как объявить об их решении пожениться. Это надо сделать как-то деликатно, тонко.

В зал вошел высокий плотный мужчина с выступающим брюшком, с седеющими и редющими волосами, с крупными чертами лица, в кителе полувоенного образца, галифе и тапочках. Его возраст можно было определить (в отличие от жены) как пятьдесят с небольшим «хвостиком».

— Так вот он какой, жених твой, Томик, — сильно растягивая слова и протягивая руку, подошел он к Николаю. — Ну что же, птицу видно по полету, а героя — по наградам. Так-так... Ну, что встали? Садимся к столу — ужинать будем. Зоенька, Кока, накрывайте. Соловья баснями не кормят, гостей узорами на скатерти не потчуют. Да и я изрядно проголодался. Егор Кузьмич, — представился он. — А ты — Николай. Знаю, знаю... Томик мне рассказывала.

Ну, вот и все. Не надо снова повторять биографию. Волнение Николая как-то само собой улеглось.

Глава семейства уселся за стол под портретом вождей. Тамара пересела поближе к Николаю.

Из-за портьера вышла Зоя Сергеевна со стопкой тарелок и тарелочек в руках. Она поставила их на стол и села рядом с Егором Кузьмичом. Халата на ней уже не было, а была белая кружевная кофточка и бордовая юбка, гармонировавшая со шторами. Потом в белом передничке с супницей вошла пожилая женщина, которая открывала дверь. Проходя мимо Николая, она сказала:

— Здравсьте.

Все сидели, а эта женщина носила и носила кушанья. Такой сервировки Николай не видел отродясь. Он даже растерялся, когда перед ним поставили две тарелки и на одной из них лежали вилка и нож.

— Не робей, солдат... Будь проще... Берлин взяли и с ужином справимся, — Егор Кузьмич заметил нерешительность Николая. — Правда, я в Берлине не был — мой фронт был на Урале, но и наши победы отмечались наградами. Конечно, не за награды воевали, не за награды боролись, но все равно приятно, если твои старания замечены и оценены по достоинству.

— Кока, а ты почему не садишься? — спросила Зоя Сергеевна обслуживавшую их женщину.

— Я недавно покушала, спасибо, — она ушла и до конца ужина уже не появлялась.

Ужин прошел тихо. Только Егор Кузьмич изредка подавал ничего не значащие реплики да, наполнив рюмки мужчин коньяком, а Зое Сергеевне — наливкой, басил тосты: «За знакомство», «За встречу», «За нас», «За здоровье». Тамара время от времени пожимала локоть Николая, как бы говоря, что она рядом и все идет хорошо. Наконец настал момент, когда Николаю показалось, что все насытились и пора сказать то, для чего он сюда явился. Он встал и начал:

— Уважаемые Егор Кузьмич и Зоя Сергеевна! Мы с Тамарой хотели вам сказать, что... мы решили...

— То, что вы решили с Тамарой, — нам известно, — прервал его Егор Кузьмич. — А вот что я решу — об этом поговорим после ужина в моем кабинете. Без женщин...

Ужин завершился в полном молчании.

Такого грубого одергивания Николай не ожидал. И он понял, что женское население этой квартиры здесь

ничего не значит. Все чувства и желания жены и дочери для главы семейства — ноль. Теперь он понял, почему Тамара так долго не решалась пригласить его к себе домой.

— Ну что, солдат, оставим женщин и пройдем в кабинет? — Егор Кузьмич широким жестом указал на одну из портьер.

Кабинет у Егора Кузьмича был воистину рабочим. Одну стену занимала большая карта двух полушарий мира. Вторую закрывал огромный шкаф с книгами. Поверху шкафа стояли фарфоровые слоники. Вдоль третьей стены стоял диван, обтянутый черной кожей, над ним висели портреты Ленина и Сталина. Бюст Сталина, выполненный в бронзе, стоял и на зеленом сукне стола, рядом с телефонным аппаратом. Стол же был просто огромный — он занимал едва ли не половину кабинета. На столе был большой чернильный прибор каслинского литья, представлявший собой мраморную доску с двумя чернильницами и скульптурой сеттера, замершего в стойке. Были тут и стопкой сложенные номера «Правды», стопкой же громоздились различные справочники, среди которых Николай заметил и знакомый — орфографический. И папки, папки, папки с бумагами...

— Присаживайся, солдат, — указал хозяин на диван. Сам же прошел и сел за стол. Выдвинув ящик, достал пачку «Казбека». — Закуривай.

— Спасибо, не курю — бросил.

— Вот это хорошо. Вот это я понимаю. Я тоже не курю, а держу для гостей, — и положил коробку обратно в стол.

Николай сел и приготовился к долгому и, как ожидал, неприятному разговору.

— То, что вы с Тамарой решили пожениться, — я уже знаю. И поддерживаю... Молодежь должна в свое время создавать семьи — ячейки общества, так сказать. Мы с Зоей не против. Но это только одна сторона вопроса. Есть и вторая, менее романтическая — быт. Неустроенный быт поломал много судеб, разбил много семей. Выйти замуж — не напасть, лишь бы за мужем не пропасть. Время сейчас трудное, и ты, солдат, должен понять нас правильно. Мы не можем допустить, чтобы наша единственная дочь жила в общежитии. Да она после всего этого, — хозяин повел вокруг рукой, — просто не сможет жить нигде. Это — одно. Второе — ей надо закончить институт. Ни при каких обстоятельствах нельзя оставлять учёбу. Стране нужны кадры. Грамотные кадры. Она и так потеряла три года из-за эвакуации. Что я хочу тебе сказать? Если ты намерен жениться на нашей дочери, то должен согласиться на два условия: жить только у нас и не мешать Томику закончить институт — ей нужна хорошая специальность. Без специальности она кто? Просто баба.

— С этим я согласен, — сказал Николай, вставая.

— Сиди, сиди... Если согласен, давай договорим до конца. Ты знаешь, кем я работаю... Так вот, ни о какой свадьбе до конца года речи быть не может. Мне свадьбами сейчас заниматься некогда... Я и дома-то почти не бываю — все на работе, на заводе. Надо делать план, надо выполнять соцобязательства, надо восстанавливать завод. Считаю, все делаем заново, с нуля. В эвакуации ос-

тавили всю технику, весь, хоть и поношенный, но отлаженный станочный парк. Людей не хватает, сырьё... Технологию менять надо, осваивать новый ассортимент. Сейчас главная задача – перевести завод на мирные рельсы. Да что говорить – сам все видишь и должен понимать. Свадьба – только по завершении года. Ну, этим пусть займутся женщины. А теперь, солдат, иди к ним – они уже заждались. А я еще посижу здесь, поработаю.

Идя в кабинет, Николай решил, что если Егор Кузьмич будет с ним груб, то надо дать отпор, не позволить унижить себя. Но, выйдя, он немного постоял, подумал и признал, что тот во многом прав и не слишком многого требует. Вот только имя будущего зятя, кажется, забыл – все «солдат» да «солдат».

В зале за столом его ждала только Тамара.

– Ну что? Как? – шепотом спросила она.

– Все хорошо. Согласен.

Глаза Тамары засветились радостными огоньками. Она подскочила к Николаю и чмокнула в щеку.

– Давай пей чай с тортом и пойдем ко мне в комнату. Кока! – крикнула она в сторону. – Замени Николаю чай – этот остыл.

Кока заменила и ушла.

– А кто эта Кока?

– О ней я потом тебе расскажу. А сейчас... неужели нам с тобой не о чем поговорить?

Комната Тамары немного уступала размерами залу. Высокая, просторная, она была, пожалуй, в два раза больше комнаты общежития, в которой жил Николай и еще трое работников завода. Здесь стоял письменный стол, книжный шкаф, кровать с горкой подушек под кружевной накидкой, маленький столик с патефоном и два кресла. Везде: на стенах, столе и кровати – висели, стояли, лежали милые безделушки: куклы, плюшевый медведь, корзиночки с цветами и просто картинки.

– Садись, нет, не в кресло – на кровать, как у себя в общежитии. Мы будем разговаривать и слушать музыку, – Тамара завела патефон и поставила пластинку.

В этот вечер они долго сидели, целовались, мечтали о супружеской жизни, строили планы на будущее.

Тамара так умело подбирала пластинки с классической музыкой, что даже Николай, считавший себя полным профаном в этом деле, заметил и спросил:

– Ты занимаешься музыкой?

– Нет, я просто ее люблю.

– А пианино в зале?

– На нем никто не играет. Мама хотела, чтобы я серьезно занялась музыкой... Я даже два года училась в музучилище, но потом поняла, что это не мое. Для музыки я слишком ленива.

В дверь постучали. Заглянула Кока и сказала, что уже поздно, а Тамаре завтра идти на занятия.

Николай вышел из подъезда, оглянулся на дом: почти во всех окнах трех этажей горел свет. Живут же люди! Интересно, а кто еще проживает в этом доме? Вот узнать бы. Как много тайн прячется за городскими стенами. Это в деревне все на виду, все живут одинаково бедно. Вот даже свет – здесь палят его по всем комнатам, а в их деревню его еще и не провели. Там даже радио нет.

Ну ладно, это все лирика. Что у нас впереди? Женитьба. Что по этому поводу сказала бы матушка? Она, наверное, поджала бы губы, покачала головой и спросила: «По себе ли рубишь дерево, сынок? – и сама бы сделала вывод: – Не ровня она тебе...» И, как всегда, заплакала бы.

Нет, Тамара – она простая, и матери, наверняка, понравилась бы. Конечно, ее отец немного грубоват, так это все от должности, да и момент такой – дочь замуж отдает, переживает. Его понять можно. В конце концов, не с ним же Николаю жить.

Тамара... А что, собственно, он знал о ней до сего дня? Он не знал даже, где она живет. Вечерами провожал, но не до дома – она не допускала этого. Где-то за квартал говорила:

– Все. Дальше не надо. Мы уже пришли. Дальше – я одна.

Не хотела, чтобы он видел, в каких хоромах живёт? Стеснялась за родителей? О предках своих не обмолвилась и словом: кто они, чем занимаются? Когда о них заходила речь, Тамара ловко уклонялась от этой темы. А тут как обухом по голове: папа – директор завода! Сам Цыпалов! А может, это и к лучшему, что раньше ничего не знал. Пусть будет так. Пусть будет пока по-ихнему – перейдет он к ним жить, закончит Тамара институт, а дальше – они вольные птицы. Дальше сами разберутся, как строить свою жизнь. А главное – главное сейчас, что у них будет своя семья. И малыш родится. Чего-чего, а вот отцом себя Николай никак представить не мог.

Свадьбу сыграли на Новый год. И даже не одну, а две; одну в общежитии. Это была даже не свадьба, а как бы репетиция свадьбы.

– Сделайте так, чтобы не стыдно было, но и шибко не барствуйте, – сказал Егор Кузьмич и выложил пачку денег, но Николай не взял.

– Для этого дела у меня есть кое-что.

– Свое «кое-что» ты потратишь на себя – приоденешься получше, а то и за свадебным столом будешь сидеть в гимнастерке.

– У меня есть костюм...

Так и не взял он денег на свадьбу, которая была в общежитии, в красном уголке. Правда, на эту свадьбу родители Тамары не пришли. Была только Кока – помогала девчатам готовить угощенья. А вот основную свадьбу, которая была в ресторане, оплатил Егор Кузьмич, но на ней со стороны жениха никого не было. Да, собственно, там были только родственники, друзья и начальники Егора Кузьмича.

Это была «деловая» свадьба. Ни веселья, ни песен. Скучно, сухо и ответственно она протекала. Правда, Егор Кузьмич даже попытался сплясать «цыганочку» с супругой, но та только круг прошла и вернулась за стол.

Перебрался Николай в директорскую квартиру со своим имуществом, а все имущество его поместилось в небольшой чемоданчик. И попал он как муха в мед: и сладко, и сытно, только ни рукой, ни ногой не пошевелить. Да и шевелить-то нужды не было. Все готовенькое – никаких забот. Сапоги и те Кока чистила. В его

заботы входило только забавлять супругу да прогуливать ее на свежем воздухе вечерами. От такой жизни взвыть можно.

Попробовал Николай подольше на работе задерживаться – там жизнь кипела, дела интересные творились. Только не понравились его задержки молодой жене. Начались выяснения отношений.

Однажды вечером его пригласил в кабинет тесть.

– Вижу, скучно тебе... Понимаю. Дела настоящего хочешь? Одобряю. Тебе нужно думать о семье, о положении в обществе. Молодой, энергичный, здоровый... Учился в школе как?

– Нормально учился. Почти десять классов окончил.

– Вот именно: «почти». Учиться надо! Не век же на «фордзоне» по заводскому двору ездить. Партийный?

– Да.

– Ладно, иди... Думать будем.

Через три дня Николая приказом по заводу назначили механиком транспортного цеха. Работы прибавилось. И работа ответственная: тут уже заботы не об одном тракторе – обо всем транспортном хозяйстве.

Зимой получали партию новых станков. Платформы разгружали ночью, чтобы не простаивали. Николай отвечал за бесперебойную доставку ящиков со станции до завода и за сохранность груза в пути. Помогал, как мог, шоферам, трактористам, грузчикам. Но не уберечься и сильно ушиб ногу. Наутро нога так опухла, что не влезала ни в сапог, ни в валенок.

– Будь дома, я вызову врача, – сказала Тамара и убежала в институт. Врач пришла перед обедом. Осмотрела ногу:

– Сильный ушиб. Переломов нет. Покой, покой и только покой. Дня три не утруждайте ее. Полежите. А если ходить, то с тросточкой.

Какое же это скучное дело – лежать в пустой комнате и смотреть в потолок. Пробовал читать книгу – не смог, скучно.

Обед ему, как лежачему больному, прямо в спальню принесла Кока. Николай заметил, что сегодня она не такая, как обычно. В новой кофточке, красивом платочке, и глаза светятся особенно.

– Что с вами, Кока? Вы сегодня такая нарядная, праздничная.

Она смутилась от внимания, проявленного Николаем, отвела глаза:

– День рождения у меня сегодня...

– Поздравляю! Желаю вам всего-всего хорошего, – Николай обнял ее за плечи, чем привел бедную именинницу в еще большее смущение. – Присядьте, Кока, посидите со мной, поговорите... А то живу с вами в одной квартире уже третий месяц и ничего о вас не знаю. Даже имени-отчества. Расскажите о себе.

– Да что рассказывать? Я – маленький человек... Неинтересно это... Ты кушай, кушай... А если не побрезгуешь, принесу немного наливочки... черемуховой. Думаю, она пойдет на здоровье.

– Почему бы и нет?! Несите, Кока, несите! Мы отметим ваш день рождения! Можно и тещу мою позвать.

– Ее нет дома – ушла к швее. А зовут меня... Гали-

ной. Галиной Сергеевной. Я сейчас, мигом...

За те три дня, что Николай провел дома, он многое узнал об этой скромной, трудолюбивой женщине. И, как потом окажется, она станет ближе всех ему по духу и по занимаемому положению в этой семье.

Он узнал, что она не домработница, как думал поначалу, а родная сестра его тещи. Старшая сестра. Родом они из Курской губернии, из деревни. Жили бедно... Семеро детей – два сына и пять дочерей, мал мала меньше, да немощный дед были на иждивении родителей. Старших братьев, надежду родителей, прибрало лихое время. Одного – германская «ампиристическая» война. Ну, на этого хоть похоронка пришла. А второй как ушел в город на заработки, так и сгинул в революцию – ни следочка, ни весточки.

Галю, а вернее – Агафью (по документам она Агафья, это потом Зоя ее переименовала), родители отдали на хутор в зажиточную семью нянькой. Хозяин этой семьи – мельник. С восьми лет Агафья в людях работала. Считалась в няньках, а приходилось и за прялкой сидеть, и за скотиной смотреть, и в поле пособлять. Хоть денег ей за это не платили, но зато кормили-одевали, а это, как ни говори, помощь родителям – с их шеи долой.

Надо сказать, что в семье хозяина ее ничем не отличали от своих детей. И кормились все с одного стола, и в одежде были одинаковы. Вот только грамоте не обучили. Школы на хуторе не было, и мельник своих детей отправлял в поселок, что в двадцати верстах у железнодорожной станции. Так и осталась Агафья «неписьменной» – неграмотной. Правда, Спирька, сын мельника, что на три года был старше ее, как-то пытался во время своих каникул обучить чтению. Но научил только складывать слова из печатных букв, а писать она – «ни-ни».

Да, так вот и жила она у хозяев. У них было хорошо: одета-обута и о еде не надо думать. А в то время еда – главная забота. В деревнях – голод. Три ее сестренки от голода-то и померли. Да и тятя с матушкой недолго протянули. Из семьи остались только они с Зоей.

Ну, в это время Агафья была большая – ей шел шестнадцатый год. Поехала она на похороны матери (отец-то раньше помер), хотела забрать двенадцатилетнюю Зою к себе – и хозяин был не против, но...

Жила в их деревне учительница (из города с малой дочкой приехала бороться с неграмотностью). Подошла она к Агафье и сказала:

– Ты сама еще молодая, устраивай свою судьбу, а Зою оставь мне. Я перейду жить в ваш дом и буду воспитывать твою сестру. Обучу грамоте, а она присмотрит за моей дочкой, когда я на работе.

Не хотелось оставлять сестру в чужих руках, но Зойка сама так решила:

– Никуда я не поеду – буду жить дома с Ниной Васильевной.

Агафья вернулась на хутор. Это было в конце весны, а на Петров день, за праздничным столом, мельник сказал:

– Вижу я, что Спирька с Агашей вечерами прячутся то в саду, то за овином. Так дело не пойдет. Спирька, не балуй! А если нравитесь друг дружке, то не прячьтесь, а

скажите прямо. И если согласные, то, как только управимся с уборкой-заготовкой, так и свадьбу сыграем, чтоб по-людски все было. Потерпите до мясоеда.

Спирька с Агафьей за столом со стыда чуть не сгорели. Оказалось, то, что они скрывали, было видно всем, но с этого времени они стали считать дни, оставшиеся до мясоеда.

Только-только заканчивали убирать рожь, еще не всю и в снопы связали, как пришла разрядка: сдать столько-то пудов по хлебозаготовкам. Сдали. А тут опять – сдать еще столько-то. Подсчитал мельник и видит: не дотянуть до следующего урожая, да и сеять чем-то надо. А по селам уже ездили уполномоченные, да не одни, а с вооруженной охраной. Собирали-отбирали хлебушек. И решил мельник, что в лесу хлеб сохранней будет. Выкопали в глухом месте под елями яму и только отправили со Спирькой подводу, как верхами налетел уполномоченный с отрядом. Догнал он Спиридона. Как и что там между ними произошло – точно неизвестно, но на хутор привезли ее Спиридона на той же подводе мертвым. Застрелил его из нагана сам уполномоченный. На всю жизнь запомнила Агафья этого в кожу одетого, с козлиной бородкой уполномоченного.

Так и осталась жить на хуторе Агафья ни женой, ни вдовой. А как началось раскулачивание, так пришли и к мельнику. А как же? Держал в наймах батрачку – Агафью. Собрал мельник семью, пожитки и отправился в Сибирь. Агафья с ними не поехала.

Скоро пришли активисты и комсомольцы дом мельника разбирать да перевозить на центральную усадьбу – клуб нужен. Разорили хутор. Перебралась Агафья в свою деревню, в свой дом. К тому времени он стоял с заколоченными окнами – учительница-то в город вернулась и Зойку с собой забрала.

Не думала не гадала Агафья еще раз встретить того уполномоченного – убийцу ее жениха, а встретила. Да не где-нибудь на базаре или на вокзале, а на свадьбе своей сестры.

Приехала Зойка в деревню звать сестру на свадьбу. Кое-чего из запасов Агафьи собрали, кое-чего на базаре обменяли – вот и получилось приданое. Зойка все женихом хвалилась, что ответственный он работник, что его в городе уважают. Правда, он на десять лет старше ее, но это даже не заметно.

Как увидела Агафья этого жениха – у нее и ноги подкосились, и речь отнялась. Он это! Он – убийца Спиридона! Без бороденки, без куртки кожаной и нагана, но он! Из тысяч людей она его узнала бы. Но вида не подавала и ничего никому не сказала. Да и сейчас об этом, кроме нее да вот теперь Николая, никто не знает. Ни Зойка, ни Тамара, ни он сам.

В город, к Зойке, Агафья перебралась, когда та родила Тамару. Тамара и назвала ее Кокой. Галина Сергеевна – крестная мать ее. Крестили Тамару тайно. Егору Кузьмичу сказали, что едут показать девочку врачу, а сами – скрытно в дом Зойкиной подруги. Там батюшка крестил детей. Так вот, Тамара, когда была маленькой, выговаривала не «крестная», а «кока». С тех пор все в доме стали называть Галину Сергеевну Кокой.

Вот так и живет Агафья-Галя под одной крышей со своим лютым врагом. По первости задумала она извести его, отомстить за убийство Спиридона. Ходила к местной знахарке-колдунье, чтобы та наслала на него порчу, носила к той и фотографию зятя, и личные вещи, но то ли колдунья была плохонькой, то ли зять не поддавался чарам – ничего с ним не случилось. Тогда Агафья раздобыла мышьяку. Хотела подсыпать ненавистному в еду – и дело с концом. А что дальше будет – об этом и не печалилась.

И надо же было случиться такому, что, когда она уже решила привести задуманное в исполнение, в день годовщины революции, сидя за столом, Егор Кузьмич сказал:

– Давайте выпьем за тех, кто отдал жизнь за власть Советов. Вы можете выпить за всех сразу, а я выпью за бойца моего отряда, который своей смертью спас жизнь мою. За Климку.

И рассказал Егор Кузьмич, как при обыске дома одного богатея, где прятались заговорщики – враги революции, на него сзади кинулся с клинком офицер-белогвардеец. И если бы не Клим, бросившийся выручать своего командира, то не быть бы ему живу и не сидеть бы сейчас за этим столом.

– Вот помню его имя – Клим, а фамилию забыл. Мало довелось быть нам вместе, а людей через память прошло множество – забыл. Да простит он мне это. Но фотографическая карточка, где снят наш отряд, сохранилась.

Достал Егор Кузьмич карточку из сундука, и опознали Зоя с Агафьей на ней своего давно пропавшего брата. Потом они все вместе ездили на братскую могилу борцов за революцию.

И уже не помышляла, не могла убить Агафья того, кого спас брат ее. Так и живет в его доме. А куда денешься? Живет ради Тамары. Она ее воспитала. Не Зойка, не сам, а Кока. Не выходила Галина Сергеевна замуж, не рожала детей, но Тамара для нее – роднее родных. Теперь вот и она, наверное, отдалится от Коки к Николаю. Ох, судьба-судьбинушка...

И трех месяцев не проработал Николай в должности механика цеха, как пригласили его в партком завода, а оттуда направили в горком партии. Там и решила его дальнейшая судьба.

– Есть мнение откомандировать товарища Тазова Николая Ильича в распоряжение ...ского райкома нашей области. Там получите дальнейшие указания.

А в райкоме тоже долго не уговаривали – назначили начальником машинно-тракторной станции в один из поселков.

«Мнение», на которое ссылались на заседании заводского парткома, было мнением члена бюро обкома партии, директора машиностроительного завода, тестя Николая – Егора Кузьмича. Это он думал о судьбе своего зятя и продвигал его.

Поехал на новое место работы Николай один – Тамара готовилась стать матерью, да и институтские экзамены были на носу. Неделю жил Николай в поселке, а на выходной приезжал в город. Почти каждый выход-

ной теще отправлял за ним свою «Победу» – недалеко, и Николая привозили на свидание с женой.

Потом родилась дочка, окончила институт Тамара. Казалось, вот она, самостоятельная жизнь. И условия не хуже, чем у большинства, пожалуй, даже лучше, чем у многих. Николай жил в отдельной коммунальной квартире, зарабатывал неплохие деньги, но Тамара к нему в поселок перебираться не спешила – не те условия. И воды горячей нет, и больница далеко, и продукты в магазине не очень свежие. Как тут жить с малым ребенком? И работу Тамаре Егоровне, учительнице французского языка, в поселке не найти.

Так и мотался Николай между городом и поселком, между семьей и работой. А работу он любил. Все время отдавал ей (кому и чему еще?). МТС вывел в лучшее предприятие района. Стали появляться статейки с его портретами в районной и областной газетах.

А потом Николая назначили (или рекомендовали) в этот район председателем колхоза вместо умершего от старых фронтовых ран уважаемого человека. Опять теще постарался:

– Растить тебе надо. Хватит ходить вонючим от солярки.

Теперь с семьей и городскими родственниками Николаю удавалось встречаться реже – далеко ездить. Но при первой возможности, когда оказывался в областном центре на совещании или по другим делам, выкраивал время для общения с дочкой, а та как-то дичилась, хоть и называла его папой.

А сама Тамара в деревню приезжать не любит – на улицах грязно, дороги плохие, да и еду готовить нужно самой – нет здесь Коки. А когда приедет, то через день-другой начинает придирается по пустякам, проявляет недовольство и быстро находит повод вернуться в город. Оказалась она ленивой не только для занятия серьезной музыкой, но и для семейной жизни. Прав оказался Егор Кузьмич: не может жить Тамара нигде, кроме своей золотой клетки.

Да, вот такая у него «супружеская» жизнь.

Весь день пролежал Кнут в кладовке, а вечером спросил Тимофеича:

– Чья это девка в Выселках такая рыжая... полногрудая... с голубыми глазами?

– У нас они, почитай, все рыжие и полногрудые. А сколько ей годков-то?

– В метрики не заглядывал, но лет восемнадцать, наверное, будет. У нее еще волосы такие золотистые.

– Волосы, говоришь... так-так... Это, пожалуй, Настасья – дочка слепой Захаровны.

– Почему я ее раньше ни в поле, ни на ферме не встречал?

– Так они с матерью дома работают – веревки вьют, хомуты, сбрую всякую шьют. Шорничают... Вот погляди – это все их руками сработано, – Тимофеич показал на развешанную по стенам лошадиную упряжь.

– Что? Слепая... и шорничает? – удивился Кнут.

– А то! Еще какую сбрую делает! Ей только сырье дай. Она, почитай, на весь район этим знаменита. Едут

к ней с заказами и милиция, и заготконтора, и председатели колхозов. Раньше-то, до войны, этим делом муж ее промышлял. Знатный был шорник. Она у него уж ремеслу этому и научилась.

– А где ее муж сейчас?

– Там, где почти все мужики с Выселок – на войне остался.

– Слепая и научилась?

– Почему слепая? Она раньше была зрячей. Когда-то была первой красавицей округи. Это потом, перед войной, ослепла от молоньи. В лесу с мужем осиновый лист для овец заготавливали, от дождя схоронились под дерево, а молонья-то и ударила. Мужу ничего, а она вот ослепла.

– Да... А ты почему ей сбрую для Атамана не закажешь? Красивую...

– А кто я такой, чтоб заказывать? Ты председатель, ты начальник, ты и закажи.

– Ну ладно, это я так...

Оказывается, не всех людей своего колхоза знал председатель.

Второе лето проходит, как живет он здесь. Председатель, можно сказать, малоопытный – всего две посевные провел, готовился убирать второй урожай. В технике толк знал – как-никак танкист, а вот такое хозяйство, с его севооборотами, надоями, привесами и кормозаготовками, в полном объеме мозгами еще не охватывал. Маловато грамотешки, ох, маловато... Да и жизненного опыта пока не доставало – тридцать второй год от роду. Но старался. Вникал сам во все дела, порой не доверяя специалистам. На летучках от него доставалось всем. И часто – за дело. Поднимет зоотехника и спросит:

– Почему коровы стали меньше молока давать?

– Об этом спросите у завфермой – она за это отвечает, – огрызнется тот.

– Не знаешь? А я знаю: пастух уже вторую неделю держит стадо на одном и том же участке. Тебя спрашиваю сегодня об этом, чтобы завтра не спрашивать о болезнях скота. Сегодня же осмотри все места, пригодные для выпаса, или завтра пойдешь в пастухи сам.

Суровым и резким виделся сельчанам их председатель, но мало кто замечал его одиночество. Дружбы ни с кем здесь не завел, не успел еще, да и дружба-то – она не сразу налаживается. Если выдавалась свободная минутка – изучал сельскохозяйственные науки. Набрал книг у агронома, кое-что сам купил в магазинах да брал в библиотеке городской при случае, а иногда и в школьной – этого не стеснялся. Просиживал вечера и ночи за своим рабочим столом в правлении. Питался в основном в колхозной столовой. Так вот и жил Николай Ильич женатым холостяком в селе. И угол свой есть – хорошая квартира в «финском» домике, только нет в ней тепла семейного. Не тянет его туда. Никто не ждет его там.

Вот и сейчас – пора бы домой, а он отправился в правление.

На следующий день к вечеру Кнут зашел к завхозу:

– Что из мясного есть в леднике?

– Для больницы – говядина и рыба, для столовой – баранина.

– Попозже подъеду к леднику – приготовь баранью тушку. Да положи в мешок, что ли. Надо...

А ночью в дверь дома слепой Захаровны осторожно постучался Кнут. Когда в темноте забелела фигура, он, даже не интересуясь, кто это, поставил к ее ногам мешок и, сказав «это вам», повернулся и быстро ушел.

В следующий раз, будучи в городе, купил целый пласт мороженой трески и также ночью принес к дверям Захаровны.

Председательская бричка стала чаще проезжать по Выселкам – Кнут надеялся встретить Настену. Зачем? Ее взгляд с того дня постоянно был перед ним. Постоянно требовал ответа. Какого? Как можно ответить ей за произошедшее – Кнут не знал, но надеялся, что встреча сможет подсказать какой-то ответ, какое-то решение. Он просто хотел встретить Настю. Идти прямо в дом Захаровны у него не хватало духа. Он надеялся на «случайную» встречу. И однажды она произошла.

Кнут увидел, как Настя вышла из магазина, держа в руке бутылку подсолнечного масла. По тому, как она одернула головной платок, закрывая часть лица с его стороны, Кнут понял, что и она его заметила. Он перегордил конем дорогу перед ней. Настя остановилась и недобро исподлобья посмотрела на него, затем перевела взгляд на руку, державшую кнут.

– Настя, ты прости меня... Если можешь... Не знаю, как это получилось... Прости, – с трудом он подыскивал и выдавливал из себя слова, которые не раз уже повторял и заучивал. И вдруг, вместо слов объяснения и прощения, вылетело: – Прости и приходи сегодня, как стемнеет, к старой мельнице.

Настя ничего не ответила, обошла бричку и медленно направилась к своему дому. Потом обернулась, поправила платок, но так ничего и не сказав, ушла к своему дому. Кнут смотрел ей вслед: лицо его горело кумачом, в горле пересохло, сердце бухало молотом, он плохо соображал. И как это вырвалось у него – «приходи к мельнице»? – ведь он об этом даже не думал. А тут еще этот дурацкий кнут. И зачем он носит его – эту кожаную плеть на палке? Какая-то барская привычка. Все! Сегодня же поломает и выбросит.

К вечеру пошел дождь. Кнут вдоль берега речки шел к мельнице. Он понимал, что надежды на встречу никакой нет, что в такую погоду хороший хозяин и собаку на улицу не выпустит, а тут – девушка. Да еще и место такое выбрал, какое может выбрать только остолоп, похожий на него, но такого остолопа, пожалуй, и в мире нет. Здесь, у старой мельницы, заросшей мхом и бурьяном, в сумерки можно встретить только лешего или увидеть в бучиле водяного. Да тут и мужику-то становится жутковато, а он назначил свидание девушке. Здесь только черти могут собираться на шабаш. Но делать нечего – не исправишь.

Кнут сел на открытом месте на валявшийся старый жернов у дороги. Выкурил подряд две папиросы, постоянно чиркая трофейной зажигалкой – как бы подавая сигнал, что он здесь. Кому? Вокруг никого не было. Только шумел дождь, ударяясь о дрань старой крыши, да ветер порывами раскачивал болтавшуюся на одном навесе чердачную дверь мельницы.

Подождав еще немного, он стряхнул с капюшона дождевика воду, встал, вздохнул и направился в сторону деревни. Кого ждать? Какой нормальный человек попрется сюда? Даже погода и та – против него!

Уже выходя из кустов, Кнут не увидел, а почувствовал, что здесь кто-то есть.

– Настя, ты здесь?

Тишина.

– Настя, это ты? Отзовись.

– Да, – ее голос послышался совсем рядом.

Прикрывая от дождя и ветра огонек зажигалки, он осветил ее мокрое, с прилипшими прядками выбившихся из-под платка волос лицо. Настя стояла перед ним в одном платьишке, прикрываясь клеенкой, которой в деревнях застилают столы.

– Не надо светить, Николай Ильич. И не смотрите на меня, прошу вас.

Он погасил огонек. Долго стояли под дождем, не зная, что сказать. Потом Кнут опять начал извиняться, говорить, что сам не знает, что на него нашло тогда, на овсяном поле.

– Не надо, Николай Ильич... Что случилось, то случилось... Видно, судьба у меня такая – остаться вековухой.

– Ну что ты, Настя! Скажешь тоже – вековухой... Ты молодая, красивая – у тебя еще все впереди, – проговорил он и осекся.

– Нет, Николай Ильич, нет для нас женихов. В двух деревнях и пяти ребят нашего возраста не найти, одни девки.

– Нехорошо спрашивать у девушки о возрасте, но все-таки – сколько тебе?

– Ой, мне уже двадцать. Много...

– Пойдем, Настя, спрячемся где-нибудь, а то дождь нас совсем замочит. И вот что, не называй ты меня по отчеству. Особенно, когда мы вдвоем.

– А куда идти? Может, к нам домой?

– А ты смелая.

– Почему?

– Ну, потому... Потому, что сразу домой приглашаешь. Матери не боишься?

– Нет. А куда еще идти?

– Домой так домой. Веди.

Сквозь дождь и темноту пришли в Настин дом. Настя зажгла семилинейную керосиновую лампу, висевшую посреди комнаты.

– Настя, кто с тобой? – спросила, выходя из-за занавески, Захаровна.

– Здравствуйте, Захаровна, – смущенно проговорил Кнут. – Это меня, Тазова Николая, к вам Настя привела.

– Здравствуй, здравствуй, председатель. А зовут меня Клавдией Захаровной. Захаровной называют старики, а ты, похоже, еще молодой. По делу пришел али так... от дождя ухорониться?

– По делу, Клавдия Захаровна, по делу, – а сам постоянно смотрел на Настю, словно ища ее поддержки. – Новую упряжь заказать... для Атамана.

– Проходи, что стал у порога? Настя, поухаживай за председателем.

– Я сам, что за мной ухаживать?

Снял дождевик, повесил на вбитый в стену у двери гвоздь. Не проходя по комнате (чтобы не наследить), сел на скамейку. Осмотрелся, насколько позволяло скудное освещение. «Во что бы то ни стало нужно в Выселки протянуть электричество. Два километра от центральной усадьбы, а люди живут без света».

Изба как изба. Но как она отличалась от той, в которой он сам вырос! Их дом, крытый тоже соломой, в такой дождь представлял бы жалкое зрелище. По закопченному челу печи наверняка бы текли ручейки воды, подкрашивая печь ржавчиной от соломы. А здесь белую печь украшали красные петухи в окружении синих цветов – орнамент явно позаимствован с рушников. Вся печь, начиная с уровня пода, – как расписное пасхальное яичко: ясно, чья это работа. На стенах рамки с фотографиями, часы-ходики с кошачьей мордочкой, глазки которой бегают из стороны в сторону. В углу над столом божница с темными прямоугольниками икон, покрытых рушниками. Перед ними незажженная лампада. Стол, крытый клеенкой. На полу самотканые половики. Чистота и порядок.

– Так какую сбрую ты хотел заказать? – вернулась к разговору Захаровна.

– Клавдия Захаровна, я в этом деле не очень-то смыслю, но хотелось бы, чтобы на Атамане была сбруя, достойная его. А наш Атаман – лучший жеребец в области.

– Ладно, сделаем. Только ты скажи Тимофеичу, чтобы ко мне заглянул. С ним и потолкуем. Да, вот еще что: все, что будет нужно из матерьялу, сам будешь искать.

– Договорились.

Как не хотелось уходить из этого чистенького и уютного дома в дождь, но далее засиживаться повода не было.

Только сейчас он в полной мере осознал, как остертел ему жизнь одинокого женатика в неуютных казенных квартирах с вечно пыльными подоконниками и холостяцким беспорядком, с перекусами на ходу и обедами в столовках. Четыре года тянется его командировка и ради чего?

Настя сняла лампу и пошла проводить Николая через сени.

– До свидания, Клавдия Захаровна.

– До свидания, до свидания, милоч. Заходи переждать дождичек, только не ночью с мешками – не носи нам боле ничего. Нехорошо это. Да и нам совестно есть чужое...

Как хорошо, что это было сказано в тот момент, когда Николай уже был в сенцах, а Настя шла впереди, освещая путь, и не видела его лица – оно пылало сильнее, чем лампа.

И как она узнала его, слепая ведь?

Возвращался Кнут к себе домой в возбужденном состоянии. Ему хотелось крикнуть в темноту что-нибудь такое, от чего бы дождь перестал. Впрочем, при чем здесь дождь? Даже хорошо, что дождь! А что, собственно, произошло? Ровным счетом ничего. Так почему же его так и распирает? Нет, домой он не пойдет!

Он направился в правление.

Взял книжку одну, вторую, но никак не мог сосредоточиться на чтении. За окном все так же шел дождь. Черная тарелка радио что-то прохрипела на прощанье и умолкла до утра. Вытянувшись на рассеченном дермати́не дивана, Кнут стал думать о произошедшем за день.

Надо же, как все само собой образовалось. И ведь хорошо получилось! А может быть, не грех он совершил на овсяном поле? Но что же тогда? Не отчаяние ли от одинокой жизни толкнуло его? А может, это судьба? Судьба... А как же Тамара? Как дочь его? Нет, о Тамаре он думать не желает. Он ей не нужен, она и без него неплохо обходится. Выходит, перед ней он чист. Только вот дочка...

А Настенька красива... хороша...

С тех пор протоптал Кнут дорожку к дому Захаровны. То от кузнеца пряжки-бляшки принесет, то вар для дратвы, то еще какое-нибудь дело придумает. Потом и Настасья стала заглядывать в правление на огонек, домой председатель ее на бричке привозил. А деревня есть деревня – здесь шила в мешке не утаишь. Зашептали кумушки, заработало «сарафанное радио». Дошла молва и до ушей Тамары. Нагрянула она с инспекцией в деревню. Правда, Кнут ничего и не скрывал: он честно признался, что Настена ему нравится и, если она согласится, то он намерен создать новую семью. Шум, слезы и... пожелание счастливой жизни в новом браке.

После отъезда Тамары опять «подумал» тесть. Да так «подумал», что Николай Ильич Тазов по завершении уборочной, как раз перед Октябрьскими праздниками, лишился и партбилета, и должности председателя колхоза – «за аморальное поведение в быту», не достойное, так сказать, руководителя хозяйства. Некоторое время он еще исполнял обязанности председателя, пока подыскивалась новая кандидатура. А как только нашелся подходящий человек, собрал Кнут свои нехитрые пожитки, в основном книги, и перебрался из «финского» домика под крышу Захаровны.

Первое время Кнут, конечно же, переживал случившееся. Некоторые сельчане при встрече ухмылялись: что, мол, ляпнулся с высоты-то в лужу? Был начальником, а теперь побудь рядовым.

А потом обвык, одумался, осмотрелся. И понял, что приобрел больше, чем потерял. А что, собственно, он потерял? Он потерял лишь бричку, в которой сидят Егоры Кузьмичи и правят, то натягивая вожжи, то подхлестывая, не позволяя свернуть с колеи, ими намеченной.

Кстати, когда он узнал от Насти о своем прозвище, то, немного подумав, сказал:

– Конечно, бываю я и резок, и груб, но это не основные черты моего характера. Знаю человека, которому прозвище «Кнут» больше подходит. Но теперь, похоже, наши пути с ним разошлись. И дай Бог, окончательно.

А приобрел Николай Настену, счастливую семейную жизнь и свободу.

Как всегда в трудные минуты, Николай обратился к памяти о матери. Что бы она сказала о происшедшем? Наверное, подошла бы, положила свою теплую руку на его голову и сказала: «Ничего, сынок, не переживай. Ты лишь споткнулся, ушибся, но все это прой-

дет, заживет. Главное, смело смотри людям в глаза, не отворачивайся».

А чего, собственно, стыдиться? Он делал дело и от подчиненных требовал того же. А что был строг — это для дела. За два года, что он проработал председателем, колхоз ничего не потерял. Даже более того — построили кирпичную ферму для коров, расширили посевные площади, повысили сбор зерновых, полностью перешли на самообеспечение овощами, заложили фруктовый сад. И последнее, что еще успел сделать председатель, — провести в Выселки электричество. Столбы для проводов ставили всем миром на воскресниках, и за это многие говорят ему спасибо.

Теперь Кнут работал рядовым колхозником — куда пошлют. То на подводе навоз на поля вывозил, то с полей на ферму корма подвозил, помогал Захаровне с Настей шорничать. Приезжал к нему начальник местной МТС, приглашал работать механизатором, но попозже, поближе к весне, к посевной. Сейчас-то, зимой, на ремонте и свои вполсилы работают.

Затеял Кнут обустроить дом и усадьбу. Первое, с чего начал, — крыша. Негоже, когда мужчина живет в доме с соломенной крышей. Конечно, шифер — дороговато, но дранкой дом покрыть-то можно. С первыми теплыми днями принялся мастерить станок для строгания щепы-дранки. Приделал к стене вертляк, приготовил столбики и перекладину для крепежной станины, заказал кузнецу отковать нож и зубчатые держак. Дело осталось за маховиком и материалом — осиною. Ждал тепла. Весной через поля до леса не добраться ни пешком, ни на лошади, увязнешь. А летом он осины наготовит. Но и сейчас без дела не сидел — поправлял изгородь, заменяя прясла тына на часток. Гвозди делал сам, из проволоки, так как не хотел идти на поклон к новому председателю, чтобы тот разрешил отпустить гвоздей со склада. А в магазине, даже в районном центре, гвозди — большая редкость. Большого хозяйства Захаровна с Настей не держали — огород да куры, но с появлением мужика в доме случились и новые задумки, и новые заботы.

В конце марта были выборы в Верховный и местные Советы депутатов трудящихся. По такому случаю Николай с Анастасией приоделись в лучшие наряды и чинно, нога в ногу, под ручку пошли на центральную усадьбу отдать свои голоса «за блок коммунистов и беспартийных». Настроение у всех праздничное, тем более что в столовую из района привезли разливное пиво. Голосовали в помещении бывшей церкви, переоборудованной под клуб. После голосования решили с Настеной прогуляться по улице. Николай выпил с мужиками пива, постоял, покурил. Настя слушала последние местные новости в группе женщин, расположившихся недалеко от столовой, когда по улице пробежал мальчишка и крикнул:

— Там лошадь задавили!

Все поспешили на соседнюю улицу. Там посреди дороги стоял трактор с прицепленными санями, на которых был воз сена. Вокруг трактора быстро собиралась толпа. Шум, крики, мат...

— Ты постой здесь, — остановил Николай Настю. — Не ходи туда... Я сейчас...

Настя видела, как из толпы уходили женщины, закрыв лицо руками, как прибежал с колхозным конюхом Тимофеичем тот самый мальчик, который кричал, что задавили лошадь. Как Тимофеич побежал обратно и вернулся с ружьем. Слышала хрип лошади и выстрел. Народ начал расходиться. Вернулся Николай.

— Иди, Настя, домой одна... Там Атаман погиб... Иди домой, а я попозже приду. Пойду к Тимофеичу.

Вечереет. Возле холмика из свежей земли и сырого снега на корточках сидят Кнут и Тимофеич. Перед ними на разостланной половинке бумажного плаката лежит хлеб, разрезанная луковица да стоит бутылка зеленого стекла, накрытая перевернутой кружкой.

— Кто же отважился им управлять? Кто его запряг? — спросил Кнут.

— Я его запрягал... Тут, видишь, какое дело... Вчера вечером заявили ко мне председатель с ветеринаром. Председатель на конюшню пришел в первый раз. Ты же знаешь, что колхозом он не очень-то интересуется. Все ездит в район на собрания, совещания и прочие посиделки. Ждет, когда его обратно в потребкооперацию переведут. Обходится без коня — ездит на своей машине. Да, так вот, говорит мне председатель: «Завтра к тебе придут люди лошадей просить — никому не отказывай. Пусть покатаются — последний день Масленицы». Ну, праздник так праздник... Снарядил я сегодня четыре повозки. В чистые фуры постелил соломки, укрыл кое-какими попонами, чтобы люди не испачкали одежды, да и помягче будет. Да... Перед самым обедом приходит ветеринар и приказывает заложить Атамана. — Тимофеич надолго замолчал. Достал кисет с самосадам-горлодером, сложенную по формату самокрутки газету и трясущимися руками завернул «сигару». Прикурил. Поглядел на заходящий закат и продолжил:

— Вот и выходит, что нашла коса на камень. Не подчинился Атаман этому... — опять замолчал, то ли подыскивая нужное слово, то ли что-то вспоминая. — Что теперь поделаешь? Я единственно чего опасуюсь, Николай Ильич, что привлекут меня за похороны Атамана. Ведь не от болезни он пал. Можно было бы его и того...

— Что можно? Что можно?! С голоду не мрем... Эх ты, Тимофеич... Не бойся. Ветеринар теперь любую болезнь Атаману припишет, лишь бы не отвечать. Да и перед кем? — и, помолчав, Кнут спросил: — А как же он попал между трактором и санями?

— Теперь гадай... Может, трактора испугался и понес, может, еще какая причина. Ветеринара-то я еще не видел. Сбежал он оттуда. Да ты сам там был, а спрашиваешь.

— Захаровна Атаману уже и сбрую изготовила... Кому теперь достанется?

— Вот что, бери-ка заступы и лом, а я тут приберусь, да и пойдем. Я тебе что-то покажу. До десяти дней никому не показываю, а тебе, так и быть, покажу.

И они направились к конюшне.

Через узкие оконца свет внутрь помещения уже не проникал, и Тимофеич на ощупь нашел в кладовке фонарь «летучая мышь», засветил.

— Ты, Николай Ильич, побудь здесь, в кладовке, по-

смотри вот через это окошечко, – Тимофеич указал на прорезь величиной не более ладони. – Там, за этой стеной, родильное отделение.

Кнут приник к окошку, но ничего не увидел. Потом помещение осветилось – вошел Тимофеич, – и в углу стала видна бело-серая лошадь. Она испуганно и предостерегающе заржала, повернув голову к вошедшему.

– Муха, Муха, не бойся, это я. Не бойся, моя красавица, – осторожно подходил к ней конюх, показывая кусок хлеба.

В это время из-за лошади вышел маленький, беленький с темным хвостиком, длинноногий, по-детски не-

уклюжий жеребенок. Муха головой затолкала его опять в угол, под свое прикрытие, и взяла с протянутой руки Тимофеича хлеб. Тимофеич нежно погладил ее по лбу и вышел, унося свет.

– Вот кому достанется сбруя Атамана, – сказал он.

– Это его? Сколько ему? – спросил Кнут.

– Его... Сегодня ночью будет трое суток.

– А еще будут?

– Ждем... А у тебя будут?

– Ждем. Настя говорит, что уже скоро. Дни считает.

Август 2003

От редакции. Банальное – «талантливый человек талантлив во всем» – обретает жизненность, когда встречаешься с такими людьми, как Павел Никиткин. И сакраментальный для автора вопрос – «изобразительное искусство или литература?» – снимается сам собой, когда видишь его живописные работы, читаешь его стихи и прозу. Одно невозможно без другого, в разных творческих ипостасях находят выражение разные грани души человека и творца.

Публикуемый рассказ (или небольшая повесть?) – из тех, что читаются на одном дыхании. Захватывает мастерски построенный сюжет, объемные человеческие характеры, история страны в истории отдельного человека. Но не только это делает рассказ П. Никиткина явлением литературы. Автор создаёт свою неповторимую, продуманную до мелочей картину мира, в центре которой сильный человек, способный меняться и расти, обретая гармонию – и внутри себя, и в отношениях с окружающей действительностью.

Луиза СТУПНИКОВА

От редакции. Творчество Луизы Александровны Ступниковой читатели нашего альманаха уже знают и мы уверены, успели полюбить. Ведь атмосфера добра, гармонии, взаимопонимания между человеком и природой, воссозданная автором в цикле рассказов «Бабушкин сад» («Амур», № 1), невольно переносится читателем и в его повседневную жизнь.

Представленное сегодня эссе при всей несхожести тематики несёт тот же заряд добра. А ещё – вписывает отдельную человеческую судьбу в книгу духовных судеб человечества. И следить за перипетиями жизни автора, представленными на фоне эпохи, не только интересно, но и поучительно. Так и хочется в собственной жизни побольше таких же ярких и светлых «мозаичных» кусочков разглядеть.

Эссе

МОЗАИКА ЖИЗНИ

Обширна и многообразна деятельность человечества, но история наиболее бережно сохраняет то, что направлялось на развитие духовного совершенствования общества: книгопечатание, литературу, скульптуру, живопись, музыку. Среди множества живописных техник особое место принадлежит мозаике. Никто не знает, когда первый мастер соединил кусочки разных материалов в одно целое: узор, орнамент, картину. Материалы использовались самые разнообразные, начиная с драгоценных и полудрагоценных камней, раковин, янтаря, древесины ценных пород, позднее смальты и заканчивая лоскутками кожи и тканей.

Мозаикой украшали стены соборов и часовен, фасады и залы дворцов, полы, мебель, посуду и многое другое «для веселия глаза и радости души». Во Флоренции, в усыпальнице Медичи, мой взгляд остановился на милом сюжете небольшой картинке: ветке шиповника с цветком, несколькими листьями и золотистой пчелой. Если смотреть, не мигая, начинает казаться, что колыхается цветок и трепещут пчелиные крылышки. Сначала я решила, что это живопись, но экскурсовод пояснила:

– Это мозаика, врезанная в мрамор стены.

Тщетно пыталась я разглядеть в переходах оттенков хоть мельчайшую трещинку между каменными крошками.

– Известно ли имя мастера?

– Мастеров мозаики в эпоху Возрождения и позднее было много, они просто выполняли заказ.

– Сколько времени уходило на такую картинку?

– Лучше спросите, сколько времени уходило на подбор каменных осколков нужных цветов и оттенков, их обработку и шлифовку. Много...

Годами собирали русские крестьянки лоскутки для мозаичных одеял. В музее Новодевичьего монастыря в конце 70-х была выставка лоскутных одеял, ковриков и гобеленов дивной красоты, изготовленных вручную.

Мастер мозаики волен был выбрать узор, рисунок, цвет.

А человеческая жизнь? Не есть ли и она мозаика, создаваемая всю жизнь не только делами человека, но и его характером, обстоятельствами жизни, ходом истории, личным отношением к окружающему миру? Сколь-